

Кем были люди, и собственно, сколько их вообще есть? Важно количество и их умения.

Это залог успешного правления. Знать о своих подданных больше самых верных жён, понимать их желания и настрой краше лучшего друга, все это было тем, что отделяет фальшь от реальности, диктатора от императора. Все великие правители разбирались в своём окружении, понимали его, помогали ему, ведь в будущем, это окружение заложит фундамент целой династии и только от начальных условий зависит многое.

Понимая намерения других людей, проживая вместе с ними, возможно добиться того, чего не сумеет добиться ни одна страна мира.

— И поэтому, ты должен знать, кем они были до того, как попали сюда, — закончив яснить Роулзу свою мысль, Нилрем поднялся на ноги. В камнях, на которых он сидел, правды было столько же, сколько её было в ногах. Легкомысленная улыбка блуждала по лицевому «холсту» Грейрата, он подскочил к задуманному полуэльфу, хлопнул его по плечу и добавил: — мне нужно знать, кем они были, и что умеют.

— Подожди, если тебе это интересно, то иди и спроси, — Роулз очнулся, а как сфокусировался его взгляд, так и начал бунтовать, подобно подростку, который не желал сидеть дома все предстоящие выходные.

— Ты у нас «лидер», тебе и знать.

Роулз ущипнул себя за переносицу, вспоминая, сколько уже раз он эту фразу слышал.

— Ты ведь просто спихиваешь на меня это, — в кои-то веки, эльф понял человека.

«Пол говорил правду», нет Роулз и ранее замечал необычность детей этого рыцаря, но то было ещё года три или четыре назад. С тех пор, как Пол отправил отпрысков на «обучение», его доченьке пришлось нелегко. И все же...

— Да, я это не скрываю. Ты будешь заниматься тем, на что у меня нет достатка в желании, — сложив руки крестом, Нил чуть задрал нос.

— Мной командует карапуз... — голова упала в руки и горестно закачалась. Услышь кто, из прошлых сослуживцев, об этом позорном факте, и на смех подняли бы бедного охотника.

«Нет, как минимум один человек меня должен понять», Пол жаловался на слишком большую гениальность собственных детей. И в свое время Роулз не понимаяще качал головой, да мог только завидовать подобной радости. Каким нужно быть родителем, чтобы ум его дитя был в тягость? Звучало очень странно, но прямо сейчас полуэльф, кажется, начинал осознавать всю беспросветную дыру, в которую его скидывает это гениальное дарование человечества.

«А если их ещё и двое будет?», о, кажется один не в меру добренький полуэльф наконец понял, почему Пол отослал мальчишек подальше на пять лет. Жить бок о бок с ними, сдается Роулзу, очень сложно. А ведь не прошло и недели.

Меж тем, свою очередь важную тираду разжигал Грейрат.

— Попридержи свои издевки. Мой внешний вид не отрицает моей зрелости, — Нила кололи слова о неразвитом теле. Последний раз, когда его называли маленьким, было чуть больше года назад. Страж Эктор перестал так называть Нилрема после того, как последний начал на равных сотрудничать с Шао Лингом.

Ситуация там была несколько другой, и Шао никоим образом не мог называть себя равным Нилрему. Скорее ассистентом...

— И сколько же тебе лет? — быстрее из мимолётного любопытства спросил Роулз, и не ожидал, что на вопрос ответят.

— Тридцать три.

Карие глаза Роулза улетели вверх к облакам, размышляя в плане: «А ведь и правда...»

— Взрослые, если ты забыл, часто делают то, что им противно, — ухватившись за ниточку детской логики, он начал говорить чуточку по-другому. — Вот, возьми и сам расспрашивай.

— Ты серьёзно? Роулз, мне десять лет, как это будет выглядеть?

— Секунду назад ты говорил другое, — мужчине не оставалось выбора, кроме как ущипнуть себя за переносицу. — Тебя здесь почитают.

— Одна не в меру верующая женщина, вот и всё мои почитатели, — фыркнув явно недовольно, было непонятно, Грейрат недоволен тем, что в него кто-то верит, или тем, что количество этих самых почитателей, на данный момент ограничено одной ей?

В голове полуэльфа мелькнул несуществующий эпизод. Просто разыгралось воображение, и призрачная пленка начала свой ход. А в ней, пьющий десятилетний Нилрем, панибратски приобнимет взрослого мужика за плечо и с диким перегаром, спросит того о нелегкой жизни. Забавная картина выстроилась и начала проявляться в реальном мире, через улыбку мужчины.

— В общем, хватит зубы скалить иди разведай.

«Хорошо», сказать это, значило признать ребенка себе равным. А потому охотник слабо кивнул, и встав, зашагал по пустоши шаркая ботинками.

Их невыносимо жаркая дорога продолжалась. Что людям, что рептилиям на месте тяги, изредка требовался привал.

Проследив взглядом за силуэтом Роулза, Нилрем прищурился на месте, где тот остановился. Полуэльф сперва решил переговорить с Карлой о чем-то непонятном. Словно воркующая парочка, женщина не больше тридцати, хихикала в кулачок, а Роулз неловко чесал затылок. Секунду спустя, будто говорили они о конкретном человеке, женские глаза обратились на Грейрата. Только встретившись с этой женщиной взглядами, Нилрем дёрнулся как от укола. Даже оттуда, у парня пошла прохладная волна, сопровождаемая мурашками.

«Боже-боже...»

Одни эти томные глаза спасенной матери чужого ребенка, будто говорили эту коронную фразу всех женщин постарше и от которой, спина Нилрема обильно обливалась потом.

— ...так тебе тридцать три?

Голос донёлся слева. Голубоглазый парень отвлекся от Роулза с Карлой и бегло кинул небесные фонари на Киширику.

— Подслушивать некрасиво, слышала такое? — решив съязвить, маленький маг хмыкнул, добавляя. — Или «императрице» все двери открыты?

— Ку-ку, тебе, все равно не сравниться со мной в возрасте! Будь тебе хоть сто, хоть двести лет!

Игнорировать вопрос считает плохим настроением.

Вопросительно изогнув бровь, Нилрем и представить себе не мог, что Киширика, из всех возможных направлений, выберет тот, которым кичиться как-то... по-детски. Не видел он в ней могущества или мудрости. Только игривость и баловство.

«Неужели только эти черты не стираются во времени? Или на неё так детское тело влияет?»

— Значит ты у нас бабушка?

— У тебя совсем голова от жары плавиться начала?!

Казалось, Нилрем попал не в бровь, а в глаз, отчего бодрый и весёлый настрой Киширики поубавил обороты.

— Зря только тебя нахваливала перед другими...

«О, любопытно», услышав такие слова лести, старший Грейрат никак не мог упустить этот занимательный факт. Внешне это никак не проявляется, но Нилрем точно такой же человек, и ему важно чужое мнение о себе. Просто в его груди собралось уже столько спеси и фальши, что они давно срослись с его естеством.

Горделивая манера, которая не соответствует происхождению, вцепилась и не отпустит личность Нилрема уже никогда. Ведь он решил прожить жизнь так, чтобы больше не быть никому обязанным.

— И вот ещё, Нил, я к тебе не просто так обратилась, — заприметив поникший тон подруги, Нилрем, сбавил громкость собственных мыслей, которые до этого, перекрывали её кривлянье.

— И с чем пожаловала, если не секрет.

— Секрет, но тебе я его расскажу, — внимательно обзрев округу, разноцветные глаза Киширису обнаружили лишь повозку, во тьме которой оставалась нелюдимая «девочка без слов и слуха». Остальные же, находясь далековато, маялись своим, не слишком сложными делами. Им вряд ли удастся уловить и букву с тех слов которые она сейчас выдаст. Секрет, собравшийся слететь с проказника языка, приостановил округу. Словно танк в фарфоровом ассортименте, как только заметишь его, больше никогда не упустить из виду. — Ты умираешь.

Секундная запинка, за время которой ничего, кроме треска горелой древесины, больше не случилось, привели к слабой полуулыбке Нилрема.

— Если ты не знала, умирают все, так с чего мне эта информация? — в непонятках остался бы и сторонний наблюдатель, чего говорить о том, кому эту информацию доносили. Нилрема, как и большинство других людей, не особо сильно тревожила новость о медленной смерти, ведь её не вспоминаешь посекундно.

— Нет, ты не понял. Тебе давно известно, что я Киширика Киширису, обладаю арсеналом всевозможных магических глаз, — Нилрем кивнул головой, проделав то же, Киширика продолжила, не забыв уложить ладонь себе на грудь. — сейчас я слаба и не могу использовать их все, но есть в моем пользовании «Глаз жизненной силы»* (выдуманный глаз, о котором не упоминается в каноне, впрочем, там есть фраза о том, что количество злых глаз огромное, и

Киширика сумеет открыть их по мере взросления), сейчас я не могу его использовать, но раньше, могла...

Светлые глазки поднялись, дабы получше разглядеть лицо Нилрема. И ниточная мысль: «Не стоило», прошмыгнула мышкой, которая зацепила хвостиком бедный фарфоровую чашечку, что опосля разбилась.

Нилрем держал себя в руках, а что же собственно ему оставалось делать? Настроение стремилось в пропасть, мысли словно умирали одна за одной, хотелось искренне поверить, что суть ребенка перед ним, в незапятнанной комедии, и всё её слова не более чем фарс чистой воды, которым она хотела отомстить обидчику, однако, комедия уж слишком быстро отмела всю радость, никто же не смеётся, никто не рукоплескал, не щёлкал клювом, не отвлекал от запретного секрета.

В тот момент, когда под давлением собственных догадок Грейрат собирался рассмеяться, за место смеха зашёл очень важный безликий господин в цилиндре, он поклонился, взял пульт от телевизора и выключил его. Остался белый шум. А Нилрем, разинув рот, удивился.

Полетел электрический элемент по проводам мозга. Он начинал понимать, какой дорогой обернулся заурядный разговор. В словах Киширики ему сомневаться не приходится. Эта девочка успела за столь длинное время доказать свои возможности. Такой скептик как Нилрем, должен был признать. Киширика все время говорила правду.

Была и другая деталь, что тяготила юного мага. В его груди словно зияла пустота, которую не залечить ни одним из заклинаний. Душевные раны, настоящие душевные раны, лечить не умел даже такой мастер магии, как Нилрем.

— Говори уже.

— Тебе будет сложно принять такое, — оттягивая прием капель правды, Киширика будила в груди мальчика натурального зверя.

Словно изголодавший лев засёк свою слабую и хрупкую добычу, Грейрат набросился на Киширику, схватил её за плечи и страшно сжал, да так, что заболело у самой Императрицы, тело которой было сильнее и крепче заурядного человека.

— Говори, — вторив звериному рыку, взревел Нилрем. Его глаза собирались налиться кровью. Ещё миг, и те бы взорвались кровавыми брызгами! Утратив нитку понимания, малец уже присматривался к её шее, не то кусать, не то сжимать.

Не выдержала и Киширика, что приоткрыла запретную шкатулку. Она должна была это сделать, считала своим долгом, даже если после этой правды её возненавидят.

— Пять лет! Тебе осталось жить пять лет... приблизительно...

И пылающий огонь угас, политый кровью. Маг отпустил голые плечи Киширики, оставив той небольшие синяки, а сам закрыл лицо руками и стих.

Неожиданно для самого мага включился стыд за свои деяния. Схватил и вымогал слова, которые и так, и так, были бы озвучены, какая недостойная страсть и злоба затопила его сердце! И без зеркала перед лицом, Нилрем понимал, как монструозно преобразился его лик. Лицо освиrepело и могло пугать детишек перед сном.

Новость, ломающая его планы сильнее чем магическая катастрофа, слова которых и врагу не пожелаешь. От подобного секрета, люди обычно попадают в просак, глаза их тухнут, а сами они не понимают, что творят.

Маленький маг не выбивался из числа тех, кто просто не сумел перенести известие. Грейрат никогда и подумать, не мог, что получит один из тех диагнозов, от которых нет спасения. По крайней мере, Нилрем не умел лечить подобное. Никак. А если он не умеет подобное исправлять, считай, не умеет доброе большинство из этого мира. И что же тогда делать?

Мысли парня разбивались на тысячу осколков громким стуком собственного сердца.

Со слов императрицы тикнула одна секунда.

«Нет», одно тихое слово попыталось отрицать саму реальность, отринуть правду вон, выпроводив её за двери мира. Один же раз уже повезло.

— Ты нагло врёшь.

Слова с хриплой силой, несвойственной Грейрату, будто связывали своего владельца. Нилрема не переубедить. Любой человек боится смерти, а дважды рождённый по-особенному сильно. Ему не была бы нужна исцеляющая магия так сильно, если бы не страх смерти. Была этой логике своя замечательная мысль, ценить то, что имеешь, но вместе с тем, вскрывалась и отвратительная, гнилая сторона. Он прожил одну жизнь и повторно очутился в новой, однако будет ли третья? Подобно призовому лотерейному билету, шанс повторно вытянуть счастливый номер его, неизбежно падает к нулю. Получалось, один раз избежав смерти, родившись в новом мире, умирать второй раз ещё страшнее первого.

— Я... — Киширика была Императрицей демонов. Трудно представить её на поле боя, убивающей людей и вносящей в них ужас своим присутствием, но даже её озорству есть предел. Глаза девочки ожесточились, срывая напускную детскость. — Не посмею врать на этот счёт.

И этих слов было достаточно, дабы Нилрем достиг кульминации, вершины противоречивых чувств которых желали выплеснуться, да хоть на ту же Киширику. Грейрат полез на неё с магией, пытаясь задушить врушку.

Но он этого не сделал. Сдержал в себе, не дал бушующей стихии вырваться наружу. Впервые за долгое время, парнишка не понимал и не знал, что делать, о чем в конце концов думать. Дальнейшие шаги проходили как в тумане.

Нилрем помнил, как что-то то ли ответил девочке, то ли спросил у неё нечто, а может и вовсе оболгал, не суть важна, она ведь так и не обнадёжила его розыгрышем, а после, махнул ей рукой и вернулся. Куда? В карету, где осел. Только и помнил, как смотрел в темноту, поджав ноги к телу.

Вот чего не помнил маг, так это сколько он так просидел. Час, или два, а может и весь день, ведь совсем скоро глаза начинало клонить в сон, где он проспал до самого утра.

А когда проснулся, продолжил думать и смотреть в никуда.

Сейчас он подобрал Мари. Продолжая все глубже погружаться в собственный мир, где нет ужасных демонов, где нет страшных слов, где нет чудовищных тайн бытия. Внешний мир же забывался, обесцвечивался, становился ненужным. Нилрема все больше обволакивали алые

нити, поверх которых накинули черные ленты из не рвущегося шёлка. Материал окутывал его, прятал тело от жестокого мира, пытался оплести с головы до пят, вот только, оставил крохотную лазейку, размером с глаз. И пока само его тело упало в бездонный океан неопределённости и растерянности, из бреши, на внешний мир поглядывал сапфировый глаз. Не вырваться, не пошевелиться, ни вдохнуть, ни выдохнуть, ничего не делал Нилрем, как бы не хотелось подняться. Чужую помощь и ту не подзывать, ведь в этом адском месте, она нужна любой душе.

Все его мысли вращались вокруг слов Киширики.

«Нет»

Словно таран в голове, будто оставшийся наедине предохранитель, тонул, но дёргался, барахтался в болоте и не позволял всему пропасть зазря.

То и дело в сознании всплывали сильные толчки.

«Услышав собственный диагноз, неужели я буду просто стоять и смотреть на него?»

«Разве мне пристало смотреть на рану Лили, которая считалась неизлечимой, и не пытаться её вылечить?»

«Неужели все жертвы, оказались принесены зазря?»

«Одна ошибка так подкосила великого и незыблемого меня?»

«Позор! Позор тому, кто, умирая, смирился с участью червя на дне морском!»

И к кому же обращались эти мысли? Грейрат и сам не понимал, почему же так разгневан на себя.

Находясь на дне, Нилрем с каждой новой секундой понимал, как же он ничтожен. Багровая злость не позволяла встать, не позволяла выть, но позволяла красить мир в кроваво красный. И если уж ему не суждено подняться с дна морского, то он испарит в ярости своей и море, и путы!

А дальше, произошёл толчок, который пробудил маленького мага. Обычный, физический толчок, поскольку повозка наехала на камень.

Глупо говорить: «Я вернулся» ведь никуда Грейрат не падал, никаких пут и кандалов его не оплетало, мальчишка не вернулся из Небыландии, он просто-напросто решился. Бороться дальше, покуда не испарится последняя частичка его ДНК.

В этот раз, буйство разворачивалось внутри мага, а не снаружи, и занял шторм, по меньшей мере целый день. Сумеречная тьма встречала своего правителя. Все того же, но чуточку иного. Принявшего правила игры в пять лет.

Знакомая карета встречала знакомым персоналом. Все та же невинная девчушка, над которой можно было поглумиться, будь у мага чуть лучше настроение.

«Даже ей суждено прожить дольше меня», однако в сущности, скорее девушка могла поиздеваться над маленьким магом. Нилрем в последний раз неприятно цепанулся за дурацкий факт, который нужно будет стереть из автобиографии. Собственными руками

попытаться убить себя же... Каждый согласится, подобный пункт в досье царя, не лучше чернильной кляксы на золотой табличке.

Меж тем, Грейрату желалось как-то улучшить свое ментальное состояние, да позабыть о нависшей угрозой в виде дамоклового меча. Выхода здесь, ему виделось всего два. Или на время погрузиться в работу, тем самым позабыв о проблеме, или не пускать проблему в сердце. Ньюанс здесь один, проблема уже вошла в сердце и останется там шрапнелью, покуда Нилрем не излечится. А значит...

На невинную девочку теперь смотрели иными глазами. Подлетев к Мари, он уложил её лежа и схватил за обрубки.

Немедленная реакция заставила его слабо улыбнуться.

Разные люди порождают разные увлечения. При горе, одни пьют до беспамятства, другие набирают вес от нервов, третьи убираются дома. Ну а, маг, в чьих силах создавать души, от горя дарит радость.

— Не бойся, я верну тебе твои красивые ножки.

<http://tl.rulate.ru/book/84638/3125488>